

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска

English version: [Kornilova T.V. The principle of uncertainty in psychology of choice and risk](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается понятие неопределенности в современном формулировании принципа неопределенности, в междисциплинарном подходе к прогнозируемым и непрогнозируемым событиям, в психологическом понимании ситуационных и диспозиционных факторов субъективной неопределенности, в контекстах использования знаний и личностного самоопределения при выборе в условиях неопределенности. Обосновывается переход к динамической парадигме в психологии неопределенности, к конкретизации идеи единства интеллекта и аффекта в конструкторе интеллектуально-личностного потенциала человека, к пониманию динамических регулятивных систем как единиц психологического опосредствования выбора человека.

Ключевые слова: неопределенность, «антихрупкость», выбор, принятие решений, субъективная неопределенность, риск, интеллектуально-личностный потенциал, динамические регулятивные системы, саморегуляция

Конструкт *неопределенности* по-разному представлен в философских, междисциплинарных и психологических исследованиях. В психологии он соотносится с понятиями выбора и принятия решений как процессами принятия и преодоления неопределенности, с понятиями риска и личностного самоопределения. В принятии неопределенности как условий своих действий, решений и выборов развести процессы когнитивной и личностной регуляции невозможно. Но их можно выделять в качестве специальных предметов изучения, что имело следствием онтологизацию понятий рациональный и иррациональный, интеллектуальный и личностный выбор и прочие ложные дихотомии [Корнилова, 2014].

По мере разработки принципа неопределенности в науке и философии стало утверждаться положение, что неопределенность – не мера хаоса, и обращение к конструкту неопределенности становится необходимой предпосылкой переосмысления как бытия мира, так и психологической регуляции бытия человека. Применительно к конструктам принятия решений и выборов человека так или иначе интерпретируемые условия неопределенности стали связующим звеном при анализе психологических теорий и феноменов. Появление новых представлений о *неопределенности*, связанных с непредсказуемыми событиями и динамической парадигмой ее контроля, обуславливает актуальность обсуждения подходов к пониманию этого конструкта, сложившихся в психологии.

Целью статьи стало раскрытие общенаучных предпосылок наметившихся изменений и функционирования понятия неопределенности в психологических моделях, в первую очередь осваивавших его применительно к регуляции выбора, как осознанного решения мыслящей личности.

Общенаучные предпосылки изменений в понимании неопределенности

Неопределенность и знания

Прогнозирование и неопределенность

Проблемы регуляции познания и деятельности отражены в психологических теориях (в аспекте движения субъекта к неопределенному будущему) в понятиях антиципации, предвосхищения, прогнозирования и целеобразования. Неопределенность изначально связывалась с *возможностью* в аспектах как неполноты знания, так и процессов, включаемых в актуалгенез психологической регуляции решений и действий. При этом в психологию привносились складывающиеся общенаучные взгляды на неопределенность; в истории развития представлений о неизвестной *возможности* наступления событий были сформулированы *вероятностное* понимание неопределенности и поляризация качественной и количественной неопределенности, понятия «общество риска» и т.д.

Прогнозирование в психологии *рассматривается* как предвосхищение или оценка человеком возможных событий (в том числе при исчисляемой оценке вероятностей их наступления), как базирующееся на интуиции и анализе, на вероятностных суждениях и продуктивных решениях, характеризуемых *новообразованиями* не только в результатах, но и в процессуальных характеристиках становления предвосхищений. Психологическая реальность предвосхищений и прогнозов изучалась многосторонне: как прогностическая деятельность, как аспекты регуляции мышления и поступка, как целеобразование и целедостижение, где неопределенность касалась уже неопределенности в качестве составляющей собственной активности.

Прогнозирование, в первую очередь, заключается в оценках человеком возможного как еще не известного, но уже учитываемого «квази-знания» при регуляции действий и вынесении суждений. Люди с разным интеллектуальным развитием и различным отношением к неопределенности будут принимать решения неодинаково, следуя вызовам неопределенности или отказываясь от действий на основе неполной ориентировки. Если же речь идет об ориентировке в собственных возможностях, целях и смыслах, то ведущими становятся самосознание и личностное самоопределение как составляющие психологической регуляции выбора.

Сама ограниченность знаний (или недостаточная информированность человека) может иметь разные основания: во-первых, субъективное незнание при принципиальной возможности получения необходимых сведений (например, ограниченное знание из-за нехватки времени на его пополнение, в силу недостаточности усилий, прилагаемых для анализа ситуации, или др.). Во-вторых, незнание «объективное» – при принципиальном отсутствии необходимых сведений в накопленном человечеством общественно-историческом надындивидуальном опыте (надындивидуальных знаниях, усваиваемых или присваиваемых отдельными людьми). Если в первом случае можно оценивать индивидуальные различия между людьми – в степени владения необходимыми знаниями или в прогностических способностях, то во втором – движение всего человечества по пути к объективному знанию.

Проблема соотношения субъективного и объективного знания выступает одной из важнейших в методологии науки [Корнилова, Смирнов, 2013; Поппер, 2002]. Путаница начинается, когда наряду с дихотомией *субъективного–объективного* знания появляется дихотомия *полного–частного* знания для психологических оснований выбора субъекта. Причина не только в том, что трудно оценить необходимую степень полноты знания для осуществления человеком осмысленного выбора. Дело в том, что с появлением теории вероятности были сформулированы разные трактовки того, как связано знание о мыслимом пространстве событий и ожидание события (даже если не предполагается выбор человеком альтернатив). Приведу только одну позицию – Дж.Буля: «Вероятность – это ожидание, основанное на частном знании. Полное же знакомство со всеми обстоятельствами события изменило бы ожидание на определенность (certainty), и не оставило бы ни места, ни необходимости в теории вероятностей» [Boole, 1854, p. 244].

Принцип неопределенности, мышление возможного и риск

В прошедшем веке в философии науки изменилось понимание самой возможности Наблюдателя (с большой буквы), который мог бы иметь критерии оценивания полноты и истинности знания. *Принцип неопределенности*, включивший необходимость предположения о «лямбде» Наблюдателя, был освоен как физиками, так и впоследствии психологами [Зинченко, Мамардашвили, 1977].

Принцип неопределенности в методологии психологической науки стал рассматриваться в контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадильности развития наук (В.С.Степин) и в связи с изменением критериев рациональности [Мамардашвили, 1984; Саймон, 1993], с формулированием проблемы полипарадигмальности психологии [Смирнов, 2005; Юревич, 2005] и открытости человека, с новым пониманием активности и сознания личности [Асмолов, 2002; Корнилова, 2010]. Множественность теорий и множественность принципов в построении психологического объяснения, т.е. гносеологический контекст принципа неопределенности, – это то, что сегодня можно противопоставить идеям «монизма» и редукционизма в психологии. Обращение к категории неопределенности выступает в роли мостика, проложенного между проблематикой картины мира на стадиях неклассической и постнеклассической науки и основными проблемами методологии психологии: онтологической и феноменологической данности психического, субъективного и объективного в психологическом познании, объективности неопределенности и субъективности детерминизма, соотношения категорий деятельности и творчества, соотношения чувства и разума в преодолении человеком неопределенности.

Здесь мы представим только один аспект изменений в подходах к неопределенности – понимание преодоления ее как актов выбора и как этапов интеллектуальных стратегий человека, или *возможного риска в мышлении*.

Обычно риск связывается с опасностью потерь или выигрышем в прагматических контекстах (здоровья, ресурсов, репутации и др.). Психологическое понятие риска задается в разных аспектах: риск как объективно заданная возможность и опасность потерь–приобретений или как характеристика импульсивности решений и действий (праксиологический аспект), риск как следствие неполноты ориентировки в ситуации или как возможность ошибки из-за недостаточности приложенных при обдумывании усилий, как ситуационно заданный фактор или как личностное принятие вызова со стороны условий неопределенности и др. [Корнилова, 2003].

«Наиболее характерная черта рискованных задач – наличие *неопределенности*, то есть того, что исходы, которые будут получены лицом, принимающим решение, зависят от событий, которые невозможно предвидеть с полной определенностью» [Козелецкий, 1979, с. 52].

Обдуманый риск означает осознанную готовность человека осуществлять выбор в условиях неопределенности. Мышление необходимо опосредствует стратегии выбора. Поэтому по аналогии со страхованием рисков как «колонизацией будущего» мышление можно рассматривать как психологический процесс построения своего будущего. Направленность выбора в условиях неопределенности требует и личностного самоопределения, поскольку предполагает процессы смыслообразования и ориентировки в личностных ценностях. Рассмотрим такой аспект риска в мышлении как возможность *помыслить немислимое*.

Возможное в мышлении – это не только характеристика временной перспективы обдумывания чего-то, но и основа креативных решений, как отражающих создание до того неизвестного нового. Традиционно было принято говорить о риске незнания, а сегодня возникла такая проблема, как риск знания. Речь идет не только о том, что знание может стать опасным (особенно если попадет в ненадлежащие руки), и даже не о старой проблеме «многие знания – многие печали». Риск сопряжен с самой идеей конструирования человеком образа мира и полагания себя в нем. Слово конструирование здесь означает не столько учет конструктивистской парадигмы (в философии познания и психологии), сколько ту идею саморазвития человека, которая в большей степени связывается с *личностным самоопределением*. Помыслить о чем-то и пожелать этого – вот линия взаимодействия познавательной и личностной сфер; помыслить и ужаснуться – другой вариант.

Но не помыслить о чем-то может означать и недореализоваться, а не просто ошибиться в ситуации выбора. Другой поворот темы – «самосбывающиеся пророчества» (когда наступает событие, предсказание которого как бы уготовано самой возможностью человека помыслить о нем).

Человек в процессе мышления расширяет и умножает сферу мыслимого и немислимого; так, создавая символический образ кентавра, человек изменяется сам, сопоставляя возможное и невозможное. Таким образом, возможное в мышлении – это и проблема становления *личностного самосознания*. Риск узнать самого себя – один из аспектов психологической тематики риска [Козелецкий, 1991; Петровский, 1992; Корнилова и др., 2010].

Риск и эвристики

Источником риска при его психологическом изучении могут выступать не только опасности, но и *эвристики*. Это понятие фиксирует возможную селективность выбора, что означает неполноту анализа ситуации и – как следствие – получаемой информации, неразвернутость оснований выбора (пропущенные звенья) и любые стратегии, где критериями ограничения анализа могут выступать разнообразные психологические механизмы (эмоции, ограничения памяти, предубеждения личности и т.д.). Когнитивные упрощения могут уменьшать усилия человека при решениях, включая неопределенность результата как условие селективности поиска.

Психологи Д.Канеман и А.Тверски, описывая несоответствия реальных выборов предполагаемым, согласно их «проспективной теории», стали использовать понятие *эвристик* как «ловушек ума», которые приводят человека к неверным решениям и суждениям. В анализ стратегий принятия решений ими было включено важное понятие *усилия*. Использование эвристик позволяет субъекту уменьшать прилагаемые усилия, что может привести к ошибкам в решениях. Исследователями описаны эвристики *доступности*, *репрезентативности* и ряд других [Канеман, 2014].

Г.Гигеренцер обосновал, что эвристики выполняют в жизни человека не только и не столько роль «ловушек ума», сколько иную функцию – приспособительную [Gigerenzer, 1998]. Он описывает иные эвристики, а целесообразность их использования связывает с рядом показателей, в первую очередь, со степенью *прогностической неопределенности* задачи [Kurz-Milcke, Gigerenzer, 2007].

Как в теории Тверски–Канемана, так и в экологической теории Гигеренцера прогнозирование и суждения человека о возможном базируются на его опыте. При существенных различиях этих теорий в отношении роли формата представления условий неопределенности (в виде вероятностей или частот), обе они предполагают связь прогнозирования и выбора (решения или суждения) с осмыслением и оцениванием событий, наступление которых имело место ранее. Они не охватывают процессы предвосхищений и оценивания тех событий, которые не только еще не наступали, но и не мыслились человеком (или человечеством). Именно к таким событиям обратился Н.Талеб, вводя в своих книгах представления о «Черном лебеде» как непредсказуемом событии и «антихрупкости» как основы совладания с неопределенностью [Талеб, 2014].

Антихрупкость

Именно наиболее разработанная когнитивная теория принятия решений (Д.Канемана и А.Тверски) стала критически оцениваться с иной позиции, с которой выступил финансист, математик и экономист Нассим Талеб. Он задал принципиально иной взгляд на вероятностную структуру мира человека, показав, что человек и мир наиболее уязвимы со стороны непредсказуемых опасностей, связанных с вероятностями событий, которые невозможно помыслить и, значит, невозможно предугадать.

Книги Талеба, с одной стороны, включали популярное изложение множества отдельных психологических экспериментов и воззрений авторов проспективной теории, а с другой стороны, были нацелены на то, чтобы показать: риск нужно связывать с неопределенностью иного типа, нежели та, на которую ориентировались до сих пор. У Канемана закономерности восприятия вероятностей и принятия решений в условиях неопределенности действуют на территории Среднестана (метафора Талеба) – там, где выявляются статистические закономерности, где представлены привычные и значит предсказуемые события, с которыми человек знаком по опыту (индивидуальному или надиндивидуальному). Ставшая бестселлером книга Талеба «Черный лебедь» имеет подзаголовок «Под знаком непредсказуемости». Речь в ней идет об опасностях или

возможностях, которые дает человеку *мир неопределенности на его крайних границах* – в Крайнестане, где не действуют статистические закономерности, возникают не мыслимые события и прогноз невозможно строить на основе опыта [Талеб, 2013].

Именно немыслимые, чрезвычайно редкие и экстремальные события имеют наиболее существенное значение в жизни человека и общества. Предсказать их трудно, поскольку они не вытекают из предшествующих. Более того, накапливаемый опыт, казалось бы, свидетельствует в пользу того, что, как говорится словами нашей популярной песни, «завтра будет так же, как вчера».

Вот как Н.Талеб популяризовал основное противоречие между индивидуальным опытом и немыслимостью событий. В книге «Черный лебедь» есть пример про индюшку, которую ежедневно кормит мясник. Каждый день уверенность индюшки статистически увеличивается и подтверждает индюшке, или метафорическому «индюшачьему статистическому департаменту», что мясник любит индюшек. И это продолжается долгое время. Но в ноябре есть один день, когда очень невыгодно быть индюшкой, это День благодарения минус два дня. Происходит то, что будет большим сюрпризом для индюшки, Черным лебедем для нее, но не для мясника [Талеб, 2013].

Выход новой книги Н.Талеба «Антихрупкость: вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности» [Талеб, 2014] стал поводом для дискуссии с Д.Канеманом в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Эти встречи известны как программы «LIVE из Нью-Йоркской публичной библиотеки» (http://www.nypl.org/audiovideo/live-nypl-nassim-taleb-daniel-kahneman/LIVEIrving_1.29Transcript). Я воспользуюсь переводом встречи, которая состоялась 5 февраля 2013 г. Она интересна тем, что там утверждается представленная в «Антихрупкости» идея *динамического контроля над неопределенностью*.

Вот как сам Талеб вначале говорит о своем переходе к методологическому осмыслению мира неопределенности: «Я был трейдером до того, как познакомился с Дэнни (Д.Канеманом). Мы встретились в 2002–2003 г., и эта встреча многое для меня изменила. Я решил стать ученым...». Далее он апеллировал к своему опыту трейдера: они «классифицируют все в две группы: то, для чего непостоянство хорошо, и то, для чего непостоянство плохо. Есть сделки, которым подходит непостоянство, а есть такие, для которых непостоянство и вариативность просто противопоказаны. ... Когда я вступил в мир ученых, то понял, что в нем нет названия для тех вещей (понятий), для которых непостоянство – это хорошо. Прочный – это не то ... это не является противопоставлением хрупкости, не эквивалент для тех явлений, для которых непостоянство – это хорошо. ... я пришел к выводу, что хрупкость – это категория объекта и это не противопоставление понятию прочный. Противоположность хрупкости – это совсем другая категория. Если я отправляю посылку по почте с надписью «хрупкое», вы переводите на русский или другой язык, что с посылкой надо обращаться осторожно. Противоположным нельзя назвать случай с посылкой, на которой ничего не написано. Противоположным будет то, на чем вы напишите: обращаться неосторожно. Для этой категории нет названия, поэтому я назвал ее антихрупкость. *Антихрупкость* – это то, что получает выгоду из непостоянства (волатильности), вещи, которые извлекают пользу из беспорядочности. Многие не понимают этого. ... Я решил сделать классификацию понятий по трем категориям: хрупкий, прочный, антихрупкий».

Талеб развил идею, что неопределенность вредит хрупкости, но она только на руку антихрупкости. Пример – готовность к неопределенности предпринимателей. Неопределенность любят авантюристы: она открывает им новые возможности. И есть системы, которые получают выгоду от беспорядочности; что определено какими-то их свойствами.

Канеман возражал: «Люди в большинстве своем предпочитают устойчивость, нежели антихрупкость». Талеб же утверждал, что увеличение сложности или величины увеличивает хрупкость объекта. Децентрализация делает «объект» или систему менее хрупкими, менее подверженными опасностям (ошибок, уничтожения и т.д.). Вот один из его примеров. «Децентрализованное правительство делает много маленьких ошибок. Похоже на беспорядок (путаницу), потому что видно много ошибок. Они на первой странице New York Times каждый день; согласен, и это пугает людей. Большое централизованное правительство не делает такого количества ошибок, его работа более ровная, но вы знаете, каков масштаб последствий, когда они совершают ошибки; последствия двух из них в нашей стране длятся уже 10 лет. Был один человек, который

пошел в Ирак, нам это уже стоило три триллиона долларов и число это будет расти ... Когда есть децентрализация, умноженная на ошибки, то они меньше, почти как камешки. Они будут беспокоить, но они не разрушат».

Канеман не соглашался с критикой Талебом людей, которые пытаются строить прогнозы в экономической сфере, но не могут предсказать большие события (кризисы). Талеб отвечал, что для того, чтобы быть защищенным от опасных случайностей (например, крушение самолета), нужно иметь возможность предсказывать не отдельное событие, а их серию. В социальном плане это приводит к выводу о необходимости строить общество, которому не смогут навредить отдельные ошибки прогнозов.

Автор «Антихрупкости» соединил методологический и психологический аспекты понимания риска, раскрывая идею *возможного в мышлении*. Необходимо расширять горизонты мышления и мыслить немислимое, непредсказуемое. Если это получится, то увеличится способность ориентироваться в возможных изменениях ситуации и, значит, возрастет ее «антихрупкость». Другую психологическую проблему Талеб видит в *добросовестности*: ведь никто не знает о возможном риске лучше, чем человек, который создал ситуацию риска. Поэтому так велика роль добросовестности – необходимости предотвращать риски, если есть знание о них. С другой стороны, нельзя предотвращать стрессоры, возникающие в связи с факторами риска. Без них человек окажется в стерильных условиях и потому не будет готов к осмысленному прогностическому развертыванию угрожающей ему ситуации, окажется беспомощным.

Итак, контроль неопределенности означает не ее уничтожение, снижение или замалчивание, а готовность принимать *вызовы неопределенности*, *мыслить не мыслимое*, предполагать децентрализацию как возрастание *антихрупкости*.

Неопределенность в психологических подходах к изучению выбора и принятия решений

К трактовке понятия неопределенности

Неопределенность и выбор человека

Неопределенность (uncertainty или ambiguity) условий выбора не является только их внешней характеристикой. Как в построении образа целостной ситуации, так и в оценивании отдельных альтернатив человек полагается на имеющиеся у него знания (пополняет их) и предвосхищает, прогнозирует возможные изменения ситуации (в том числе и своим выбором).

Для психологической трактовки важно, что: 1) эта неопределенность человеком воспринимается, хотя не все составляющие ситуации или своих критериев им осознаются; 2) он может ее изменять – преодолевать своими оценками и решениями; 3) выбор как разрешение ситуации неопределенности предполагает авторство и ответственность (не бывает безличных решений, хотя бывают «организационные» и проч.).

Подходы к пониманию активности человека, принимающего решения, могут быть различными, но большинство из них в психологии так или иначе ориентируются на стадии, описанные Ю.Козелецким как этапы деятельности человека при принятии решений, что включает: 1) создание субъективного представления о задаче; 2) оценку последствий выбора каждой альтернативы; 3) прогнозирование условий, определяющих последствия; 4) собственно выбор из альтернатив [Козелецкий, 1979].

Оценка последствий альтернатив включает и когнитивную составляющую, и эмоционально-ценностные отношения (принятие или непринятие возможных последствий выборов). Три первых этапа автор концепции называет *предрешиениями*. Собственно выбор будет означать, что ситуация неопределенности получила разрешение, завершена выбором, т.е. человек определился в выборе. Вопросом остается, как об этом узнать (внешнему наблюдателю или самому субъекту решения).

Иногда психологами подчеркивается различие понятий выбора и принятия решения. Указанные

классические описания этапов *принятия решения* демонстрируют, что *выбор* и означает окончательное решение. Анализ психологического опосредствования выборов показывает их обусловленность активностью субъекта по доопределению как альтернатив, так и критериев выбора; причем и образ ситуации, и образ Я (на уровне самосознания личности), и внутренние усилия (воспринимаемые как «бремя выбора») репрезентированы человеку. В этом смысле выбор человека всегда осознан, хотя от него могут оставаться скрытыми как смысловые, так и другие регуляторы направленности субъективных предпочтений [Корнилова, 2013].

В зарубежных психологических исследованиях понятия *принятия решений* и *выбора* функционируют как синонимы: Decision making и Choice [Hasti, Dawes, 2010; Weber, Johnson, 2009; и др.]. В экспериментальных работах важным аспектом выступает понимание ситуации выбора как *закрытой* задачи – в противовес *открытым* проблемам (более известным в психологии мышления). В праксиологическом направлении (в отличие от познавательного и мотивационного, названных Ю.Козелецким основными в изучении принятия решений) предполагается включенность в понятие выбора этапа его реализации; тогда принятие решения – лишь предваряющий его этап. Но реализация выбора – это уже предмет иных исследований – психологии воли. В исследованиях же интеллектуальных решений, как и моральных (на материале моральных дилемм), этап реализации не входит в этапы выбора [Корнилова, Тихомиров, 1990; Чигринова, 2013; и др.].

В непсихологических подходах (моделирующих, экономических, социологических и проч.) совсем не обязательно присутствует предположение о том, что выбор осуществляется именно человеком (а не безличным ЛПП – «лицом, принимающим решение», механизмом, обществом или какими-то системами). Как только человек исключается из «составляющих» ситуации выбора, можно строить (моделировать) идеальные стратегии выбора, но при этом теряется как отличие *субъективной неопределенности*, в которой находится человек в ситуации выбора, так и понимание, что при выборе он полагается на весь свой *интеллектуально-личностный потенциал*.

Интеллектуально-личностный потенциал человека

Интеллектуально-личностный потенциал (ИЛП) – это интерпретационное понятие, предполагающее единство интеллектуальных и личностных составляющих в регуляции решений и выборов человека, реализуемое через звенья принятия и преодоления неопределенности множественными процессами и отражаемое в формировании новообразований как показателей приложенных при выборе *усилий* субъекта. В нашей модели множественной регуляции решений и действий предполагается динамическое взаимодействие составляющих ИЛП и выход на ведущий уровень разных процессов – как когнитивных, так и личностно-мотивационных [Корнилова, 2013].

В актуалгенезе становления *динамических* иерархий опосредствующих выбор процессов верхним уровнем регуляции выступает *самосознание личности*. То есть сами по себе интеллектуальные и личностные составляющие ИЛП не определяют выбор, а выступают его диспозиционными условиями и реализованными характеристиками.

Разрабатывая принцип неопределенности по отношению к построению психологической теории выбора, мы подошли к пониманию неопределенности как незаданности иерархий процессов, фокусируемых *динамическими регулятивными системами* [Корнилова, 2005, 2013]. Переход к динамической парадигме в понимании контроля неопределенности [Корнилова, 2014] позволил также по-новому задать конструкт *саморегуляции*, который стал необходимым при изучении готовности (предпосылок) и умения человека использовать свой интеллектуально-личностный потенциал в решении жизненных и профессиональных задач, предполагающих преодоление неопределенности. Усилия, прилагаемые человеком при выборе, представлены в степени выраженности *новообразований* как третьей шкале оценивания психологического опосредствования выбора (наряду с когнитивной и личностной). И усилия эти не могут быть сведены к энергетическим затратам. Даже если заданы альтернативы и критерии выбора, неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек, какой процесс окажется ведущим в иерархии возможных оснований выбора. Многообразие путей целеобразования и смыслообразования означает полагание *множественности, многоуровневости и гетерархической регуляции* выборов человека.

Субъективная неопределенность

Неопределенность в психологии связывалась с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления [Зинченко, 2007]. М.К.Мамардашвили настаивал, что живое – в *акте*, в акте мышления или свершения (остальное – «мертвечина») [Мамардашвили, 1984].

Субъективная неопределенность может быть задана как *внешними* факторами, так и *внутренними* (неполнотой знания и проч.). Применительно к внутренним источникам неопределенности можно различать ее *ситуационные* факторы, когда человек в силу искаженных когнитивных репрезентаций или ситуационных ограничений (например, закрытость для него необходимой информации) вынужден принимать решения при заведомой неполноте ориентировки, кроме того, *диспозициональные* (например, это трудности работы с собственной системой переживаний, что измеряется в шкалах *доступности внутреннего опыта* [Новикова, Корнилова, 2014]).

Факторы *субъективной неопределенности* влияют как на образ ситуации, так и на актуалгенез решений. Человек должен не только принять ситуацию неопределенности, но и определиться в целях выбора, в стоящих за возможными предпочтениями ценностных аспектах, что отражается в переживании *личностной цены* решения. Осмысленность выбора при этом связана и с реализацией опоры на свои интеллектуальные возможности («додумывание мысли», по Мамардашвили).

Отношение к неопределенности и контроль неопределенности

Толерантность к неопределенности и личностная готовность к риску

Ключевым диспозициональным источником неопределенности выступает *толерантность к неопределенности* (ТН). Понятия толерантности и интолерантности к неопределенности обосновывались в исследованиях Э.Френкель-Брунsvик и как связанные с фиксацией перцептивного феномена, и как реципрокные личностные свойства [Frenkel-Brunswick, 1949]. Толерантность к неопределенности стала означать готовность субъекта принимать решения в условиях неопределенности, противоречивости, новизны ситуации, неполноты информации, неизвестности последствий выбора. Принимать вызовы неопределенности и осуществлять продуктивные решения в условиях неопределенности – таковы личностные предпосылки регуляции выбора со стороны толерантности к неопределенности. При этом большую роль стал играть термин «intolerance», который обозначил индивидуальную тенденцию воспринимать и интерпретировать ситуацию неопределенности как угрозу, источник дискомфорта, что выступило одной из характеристик авторитарной личности.

Среди личностных свойств в регуляции выборов совсем не все они оказываются одинаково важными. При анализе глубинной мотивации по опроснику А.Эдвардса только шкалы *автономии* и *агрессии* значимо связаны с характеристиками выбора как рискованного [Козелецкий, 1979]. При диагностике мотивационных профилей [Корнилова, 1997] и в исследованиях выбора на основе использования профессиональных знаний [Чумакова, 2010; и др.] личностная *готовность к риску* и *рациональность* (как стремление к максимальной информированности) выступили центрами разных кластеров мотивационных тенденций в профилях личностной регуляции.

Когнитивный риск

Впервые понятие *познавательного риска* использовал Дж.Брунер в своей работе 1954 г., выполненной как анализ стратегий образования искусственных понятий. Риск при этом заключался в том, что полученной информации могло быть недостаточно для отвержения человеком конкурирующих гипотез (о возможном, «задуманном» экспериментатором понятии), и он вполне мог ошибиться, но называл правильный ответ. Исчисление *энтропии* как показателя необходимой информированности человека, изменяющейся на каждом этапе [Брунер, 1977], было продолжено, но в ином аспекте О.К.Тихомировым [Тихомиров, 1969], который показал, что исчисляемая неопределенность и *субъективная неопределенность* в ситуации не совпадают.

Одним из современных направлений развития представлений о *когнитивном риске* стало подчеркивание в нем именно интеллектуальной ориентировки на вероятностные характеристики ситуаций. Это выразилось в обосновании понятия «Интеллектуального Риска» – Risk Intelligence [Evans, 2012]. «В сердце» Интеллектуального Риска лежит возможность оценить пределы своих знаний, а значит, проявлять осторожность, когда человек многого не знает, и быть уверенным, когда он знает много. В формулировании этого понятия и основном посыле его введения прослеживается стремление к расширению видов интеллекта (по аналогии с эмоциональным, личностным и т.п.).

Но в любом случае в психологическом плане риск выступает не самостоятельным – когнитивным или личностным – фактором, а входит при выборе в функционально образуемые связи интеллектуальных и личностных переменных.

Контроль неопределенности в подходах к решению сложных динамических проблем

Важным направлением переориентации в исследованиях решений и выборов становится развитие представлений о возможностях контроля неопределенности и риска. Бернстайн ввел следующее понятие *управления риском*: «сущность управления риском состоит в максимизации набора обстоятельств, которые мы можем контролировать, и минимизации набора обстоятельств, контролировать которые нам не удастся и в рамках которых связь причины и следствия от нас скрыта» [Бернстайн, 2008, с. 215].

В психологических исследованиях стратегий в условиях неопределенности особое внимание стало уделяться поиску закономерностей решения задач на динамический контроль. Одной из основных характеристик таких задач стала их плохая структурированность, т.е. заданная неопределенность. Их применение привело ко множеству открытий в различных областях (моторного контроля, имплицитного научения и т.д.). Автор обзорной статьи на эту тему выделил три подхода к пониманию механизмов решения комплексных динамических проблем [Osman, 2010].

Теории «Пример–Случай–Научение» (Exemplar–Instance–Learning)

Согласно этому подходу, «Случай» образуется единым комплексом процессов, опосредствующих целенаправленное решение в условиях неопределенности. Если решение проблемы оказалось продуктивным (привело к цели), то такой модуль поведения закрепляется в памяти. Сопоставление свойств новых ситуаций с такими модулями ведет к «подсказкам» со стороны среды, какое решение нужно принимать.

Теории проверки гипотез

Принимая решение, человек руководствуется какой-то целью и соотносит с нею прогнозы эффективности и целедостижение. Соотношение целей–средств–результатов нагружает рабочую память. Прогнозирование или проверка гипотез поощряется тем, что фокус внимания направлен не на случай, а на поиск релевантного правила; вместе с чем углубляется понимание проблемы (ее структуры); нужный выход из ситуации актуализируется соответственно правильно понятой структуре.

Снижение определенности целей ведет к тому, что человек образует знание, не привязанное к специфичному контексту ситуации, что расширяет рамки переноса на другие ситуации. Обе теории предусматривают ограниченность когнитивных ресурсов и не предполагают новообразований за рамками правил и случаев.

Теории, связанные с саморегуляцией

В этой группе исследований постановка целей, мотивация, оценочные процессы и самооффективность рассматриваются как включенные в обучение контролю решений и действий в неопределенных ситуациях. В теории Бандуры, Ванкувера-Путки и других акцент ставится на оценочных суждениях человека об успешности продуцируемых им действий, что связывается с воспринимаемой самооффективностью.

При таком смысле понятой саморегуляции контроль означает включение регуляционных процессов на ранних стадиях приобретения знаний и навыков, а цели самокоррекции релевантны на следующих стадиях, поскольку они служат интеграции и расширению поля возможных целей человека. В отечественной психологии сложились другие подходы к саморегуляции [Моросанова, 2011], где иным образом решаются вопросы о связях самоконтроля с процессами целеобразования и интеллектуально-личностными свойствами.

Заключение

Освоение в психологии принципа неопределенности, учет сдвигов и междисциплинарных подходов к пониманию возможного в мышлении, переход к динамической парадигме в трактовке регуляции выборов и контроля неопределенности отражает складывающиеся варианты функционирования конструкта неопределенности в психологии.

В понимании психологического опосредствования актов принятия и преодоления неопределенности думающей личностью представлено взаимодействие познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) «регуляторов». Человек прогнозирует не только развитие ситуации, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора».

В зарубежных исследованиях теории динамического контроля неопределенности до сих пор в основном обозначали когнитивные процессы в стратегиях человека. Переход к идее единства интеллекта и аффекта, реализуемый в понимании функционирования единого интеллектуально-личностного потенциала человека, означает развитие модели множественной гетерархической регуляции выбора, предполагающей в качестве верхнего уровня самосознания личности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-06-10404а.

Литература

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Бернштейн П. Против богов. Укрощение риска. М.: Олимп-Бизнес, 2008.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? В кн.: А.К. Болотова (Ред.), Человек в ситуации неопределенности. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии, 1977, No. 7, 109–125.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АСР, 2014.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Козелецкий Ю. Человек многомерный. Киев: Лыбедь, 1991.

Корнилова Т.В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Институт психологии РАН, 1997.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений. Психологический журнал, 2005, 26(1), 7–17.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности: основания и проблемы. Психологические исследования, 2010, No. 3(11). <http://psystudy.ru>

Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. Психологический журнал, 2013, 34(3), 89–100.

Корнилова Т.В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора. Психологические исследования, 2014, 7(36), 2. <http://psystudy.ru>

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. Учебник. М.: Юрайт, 2013.

Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Моск. гос. унив., 1990.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

Моросанова В.И. (Ред.). Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности. Психология саморегуляции в XXI веке. М.: Нестор-История, 2011.

Новикова М.А., Корнилова Т.В. «Шкалы психологической разумности»: апробация опросника на российских выборах. Психологический журнал, 2014, 35(1), 63–78.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

Поппер К. Объективное знание. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления. Альманах THESIS. Мир человека, 1993, No. 5, 16–37.

Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии. Вопросы психологии, 2005, No. 4, 3–8.

Тaleb Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2013.

Тaleb Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Моск. гос. унив., 1969.

Чигринова И.А. Две основные парадигмы понимания морального выбора в современной когнитивной психологии. Вопросы психологии, 2013, No. 6, 115–124.

Чумакова М.А. Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование. Вопросы психологии, 2010, No. 4, 83–93.

Юревич А.В. Естественнаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник. Вопросы психологии, 2005, No. 2, 147–151.

Boole G. An Investigation of the Laws of Thought. New York: Dover Publications, 1854.

Evans D. Risk Intelligence. How to live with Uncertainty. London: Free press, 2012.

Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 1949, 11(1), 108–143.

Gigerenzer G. Ecological intelligence: an adaptation for frequencies. In: D.D. Cummins, C. Allen (Eds.), *The evolution of mind*. Oxford: Oxford University Press, 1998. pp. 9–29.

Hastie R.K., Dawes R.M. *Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making*. London: Sage, 2010.

Kurz-Milcke E., Gigerenzer G. Heuristic decision making. *Marketing*, 2007, Vol. 1, 48–60.

Osman M. Controlling Uncertainty: A Review of Human Behavior In Complex Dynamic Environments. *Psychological Bulletin*, 2010, 136(1), 65–86.

Weber E.U., Johnson E.J. Mindful judgment and decision making. *Annual Review of Psychology*, 2009, Vol. 60, 53–85.

Поступила в редакцию 28 ноября 2014 г. Дата публикации: 24 апреля 2015 г.

Сведения об авторе

Корнилова Татьяна Васильевна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: tvkornilova@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска. *Психологические исследования*, 2015, 8(40), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>

[К началу страницы >>](#)